

Вот именно к этому типу произведения, внутренне-противоречивого по самому своему существу, и обратился автор повести о Петре и Февронии. Легенда, насколько можно судить и по идейному смыслу повести и по литературным приемам автора, лучше всего могла помочь ему в выражении вдохновлявшего его общественно-морального и эстетического идеала. Исходя из легенды о правителях древнего Мурома, он создал литературное произведение о прошлом, о „золотом веке“ своего княжества, как он ему рисовался. Он рассказал об „идеальных“ правителях феодального княжества, о взаимоотношениях общественных сил его, о человеческих отношениях, о чистоте и строгости нравов и проч.

Но этот рассказ об историческом прошлом своего княжества, о „золотом веке“ его не оказался противопоставлением настоящему, скрытым отрицанием современности. Автор повести был человеком своего времени, и на его изображение Руси периода феодальной раздробленности легли черты, совершенно несвойственные этой эпохе. Он проецирует в прошлое характерные для московских идеологов конца XV в. представления о князе, княжеской власти, взаимоотношении боярства и князя и проч. И в этом нет ничего необычного, так как передовые идеи конца XV в. занимали умы не только московских, но и областных писателей.

Идеальные князья повести о Петре и Февронии — это „самодержцы“, самое нарушение „волеизъявлений“ которых неизбежно порождает общественные бедствия; они борются с боярами, стремящимися к власти, и побеждают их, и проч. Такая близость повести к представлениям о характере княжеской власти, сложившимся во второй половине XV в., привела к нарушению исторических перспектив в ней, к двойственности образов ее главных героев. Но это обстоятельство, с другой стороны, обеспечило ей длительную общественно-литературную жизнь позже, в XVI—XVII вв.¹

4

В первой части повести о Петре и Февронии в жизнь княжеской семьи вмешивается фантастический змей. Этот змей очерчен ярко и определено: „Искони же ненавидя добра роду человеку диавол всели неприязненного летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же быше естеством, приходящим же людем являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею“. Это — змей летающий, женский насильник и оборотень.

Русскому средневековью хорошо известен образ змея. О змеях неоднократно упоминают летописцы, при этом образ змея летописи

¹ Устанавливая ниже фольклорные связи повести, мы пользовались поздними записями фольклорных произведений, в то время как цели исследования требовали более или менее точного воссоздания этих произведений в таком виде, в каком были их „архетипы“ в XV в. Этим объясняется сложность критического аппарата исследования.